

Владикавказ

культура и жизнь

Рождение театров... Это всегда таинство, мучительная попытка единомышленников, сведенных воедино музой Евтерпой, высказать людям прочувствованное и пережитое.

Труппы собираются и распадаются, театры рождаются и умирают, не умирает только великое Действо, как не умирают Страсти, его порождающие.

...К счастью, в жизни есть такие понятия, которые не поддаются осмеянию — честь, долг, мужество, дружба, у которых есть свой неувядаемый символ — слитые воедино конь и человек, несущиеся из суровой древности в запредельное будущее.

Человек боготворил коня. Он поселил его на небесах, где сияют в ночи и созвездие Пегаса, и след Арфана. Во всех языках всех времен и народов всадник — это и сила, и благородство крови. Возьмем хотя бы слово «кавалерия»: от «кавалер», то есть «дворянин». И, думается, тоска по истинному Герою и пришла творческий коллектив во главе с Анатолием Дзиваевым к созданию совершенно нового конного театра «Нарты». И это закономерно, как закономерно и то, что родился он у нас, в Осетии. Древние традиции скифов-степняков, одного из первых народов, оседлавших коня, развитые

гу, как Роланд. Вспомните «Песнь о Роланде».

К Испании лицо он повернул,
Чтобы было видно Карлу-королю,
Что граф погиб, но победил в бою...

Антиподом Борахана выступает Ийфон — В. Гагнев. Этот образ — совершенное воплощение восточной деспотии. Могуч, един с конем, он черным недобрым вихрем врывается в светлую ткань повествования. Хитер, коварен, он с ног до головы стеньяк. Даже разговаривает (восхитительная деталь), сидя в седле, по-восточному поджав ноги. В каждом движении его прыпика властвовать и повелевать.

И он повелевает. Охотно подчиняется ему верховный жрец Атох (Хамилопов), его помощник Буртаг (Кобаев) и жрец (Кобаев). Порождения темного омута феодальных смут подобострастные рабы и жестокие владыки,

хрушше, как цветы, ласковые и шаловливые, как горные ручейки, они в час Беды становятся грозными вонтыльщиками, родными сестрами нартовских дочерей Даргавсара. Они одинаково легки и в бою и в танце, а танцы в постановке Х. Варзиева столь органичны, так сочетаются с оформлением, так вылетаются в разворачивающееся действие, что, безусловно, являются достойной опорой этого необычного спектакля.

Отметим и высочайшее искусство наездников, в очередной раз подкрепивших честь осетинской школы верховой езды. Здесь нет круга арены и атмосферы цирка, все воспринимается всерьез. И всадники, будь то праздничная кавалькада или оперившаяся копытами козляк рать, не раз заставляют нас невольно вскрикивать от восторга или замирать в немом восхищении. Мощные кони, мощные герои, мощные страсти... Постановка боев здесь не оставляет игре ни одного шанса. Отточенные до филигранности удары, четкая фиксация каждого финта, от кониты до терции проработанные мизансцены боя настолько подлинны, что, глядя на «поло боя», поневоле чувствуешь себя дышащим и лому в теле от сведенных судорогой мышц. Также замораживает дыхание и от праздничных сцен, особенно когда показывают свое мастерство капатоходцы.

Словом, мы имеем дело с абсолютно новым для нас синтетическим театром. И заслуга режиссера А. Дзиваева не только в том, что он сумел «пробыть» идею, заставил всех и вся поверить в возможность создания такого театра, в котором сплетаются драма, цирк, хореография, музыка, акробатика, сценический бой, а еще и в том, что он сумел слить воедино все эти части, каждая из которых сама по себе род искусства, требующий режиссуры.

А. Дзиваев точно определил эмоциональные и физические возможности каждого актера, сумел создать коллектив, где каждый артист предстает во всем блеске своих индивидуальных способностей. Думаем, нет зрителя, который бы ушел из этого театра без яростного желания хоть что-то, ну, хоть что-то исправить в своей жизни, расправить плечи и совершить нечто значительное. И, может быть, именно в этом секрет необычайного успеха этого необычного театра, который все глубже проникает в жизнь Осетии. Ни с чем, например, не сравнить радость стариков и молодежи на праздновании дня Стыр Хуцау на Осетинской слободке, где выступали актеры театра «Нарты». С какой благодарностью говорили потом люди о том, что актеры отказались от платы (она, как известно, не была бы лишней для театра, у которого, как и у всех театров, финансовые дела оставляют желать лучшего).

И вновь об актерах с гордостью говорили: «Они один из нас! Вот настоящие мужчины!». И это высшее признание, какое можно получить у горцев. И пусть преграждает ветер, сопровождает нас всю нашу жизнь, и театр «Нарты» напоминает в самые пасмурные дни жизни о том, что в крови каждого из нас бушует полуденное солнце.

Л. ХАСИЕВ,
театральный критик,
М. БУРНАЦЕВ,
журналист.

РОЖДАЮЩИЙ ПОЛУДЕННОЕ СОЛНЦЕ

их потомками, сарматами и аланами, искусство наездника, доведенное до ювелирного мастерства, дошли до наших дней. На заре века не уставал удивлять Европу и Америку осетинский джигит Агубе Гудцов. Во всех цирках мира знают осетинских конников Кантемировых, Тугановых и Нугзаровых, создавших школу верховой езды для цирка и кино. И вот...

Оставался один шаг к театру... и этот шаг преодолен. Сегодня достаточно пройти сотни метров вглубь рощи, что раскинулась вокруг Дворца металлургов, чтобы оказаться под стенами древней аланской крепости, выстроенной специально для спектакля талантливым театральным художником М. Келсхасевым. Крепость эта сразу вводит зрителя в эпоху, помогает ощутить, зримо увидеть мир средневековья, где разворачивается действие пьесы Шамяля Джикаева «Отверженный ангел».

Нужно отметить, что история Осетии необыкновенно богата, и жаль, что никто из драматургов, кроме Ш. Джикаева, не рискнул взяться за раскрытие исторической тематики. Именно в эту крепость, по воле драматурга возвращается после долгих странствий сын бывшего царя горной Алании Борахан. На родину свою он попадает в тяжелое и смутное время. Непредвиденное государство, Алания ослаблена монгольскими завоевательными походами. Ввергнутые в кровавые междоусобицы аланские вожди способствуют феодальной раздробленности вчера еще единого царства. Борахан ставит перед собой великую цель — централизовать раздробленную Аланию, вернуть ей блеск и могущество.

Понятно, что одной из главных в спектакле является роль Борахана. Актер А. Дзугев сумел создать идеал народного Героя. Временами Борахан-Дзугев достигает подлинно эпических вершин: могуч, как лев Рустам, мудр, как Сид Компадор, страстен и верен дол-

они готовы служить кому угодно, лишь бы сохранить ту толщину власти, которая в глазах окружения одевает их убожество в иллюзорную тогу величия. Готовые предать, не теряя при Верности, не верящие ни во что — способны на все, чтобы не выпустить народ из суверенной к свету Истины и Веры. Для них приемлем лишь тип «настоящих мужчин», таких, как Мукара, безвольных исполнителей их недлых приказов, каковыми и сделали этого простодушного горского парня, образ которого на едином дыхании раскрывает Х. Сокаев.

Эльберд — сын верховного жреца Атоха, роль, безусловно, отрицательная. Но каким создает его Т. Сабапов! Само его появление на сцене — праздник. Смел, бесшабашен, с ослепительной улыбкой, этот стройный воин, лихой наездник, сразу покоряющий сердца зрителей, достоин лучшей участи... но зараженный от отца вирусом себялюбия и властолюбия, он нелепо уходит из жизни, совершив подлость и оставив у нас, зрителей, лишь вздох сожаления: ах, как жаль, а ведь мог бы... мог бы стать таким же, как Алгуз и Берди (подлинные рыцари, виртуозно сыгранные Т. Булацевым и Р. Гюевым).

Неопределенно, аморфно отмечена в программе спектакля роль З. Тхапсаевой — женщины в трауре. Нет, это не просто женщина, это и Мать, и Судьба своего народа Актрия здесь выше всяких похвал — лаконичные, точные жесты, по античному отточенной пластика. Она сама — страсть, порыв, с болью взывающая к своим неразумным детям. Именно она придает финалу оптимистический оттенок. В сгущающихся сумерках истории поверженного народа голос ее проступает... тонкой полоской зари надежды на будущее возрождение.

Если уж мы заговорили о женских ролях, то нельзя не отметить Зарину (В. Бесолову) и Агунду (Р. Кантеву). Символы вечной юности и свободы, нежные и